

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТИВНОСТИ И БЕСПРИСТРАСТНОСТИ СУДА ПРИ ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЯ О ЗАКЛЮЧЕНИИ ЛИЦА ПОД СТРАЖУ (МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА)

Проводится оценка роли суда при принятии решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. На основе анализа судебной практики и позиций ЕСПЧ рассматривается вопрос об активности суда при инициировании данного вопроса, а также о критериях его объективности и беспристрастности.

Ключевые слова: заключение под стражу; активность суда; объективность; беспристрастность; отвод судьи; международно-правовые стандарты; Европейский суд по правам человека.

Содержание уголовно-процессуальной деятельности суда и сторон по решению вопроса о заключении под стражу имеет различия в зависимости от стадии процесса. Одним из главных различий считается способ инициирования вопроса об этой мере пресечения, субъекте, который ставит вопрос о мере пресечения в виде заключения под стражу. Так, в стадии предварительного расследования это делает сторона обвинения, и порядок, в котором она это делает, скрупулезно регламентируется УПК РФ.

Полагаем, регулятивное значение международно-правовых стандартов возрастает в судебных стадиях ввиду специфики метода правового регулирования порядка применения мер пресечения, который использовал здесь законодатель. За исключением ст. 255 УПК РФ, непосредственно регулирующей порядок продления срока заключения под стражу, в Кодексе нет уголовно-процессуальных норм, прямо регулирующих принятие решений о заключении под стражу в судебных стадиях. Законодатель использует отсылочные нормы, ориентируя суды на правовую конструкцию, предусмотренную ст. 108–109 УПК РФ.

Презюмируется общая правовая основа для принятия решений о заключении под стражу во всех стадиях уголовного процесса. Не последнюю роль в этом должны играть и международно-правовые стандарты. Однако, как оказалось, не так просто выдержать эти правовые стандарты в судебных стадиях при избрании меры пресечения, продлении срока содержания под стражей, отмене меры пресечения, изменении этой меры пресечения по уголовному делу.

Нельзя не указать на принципиальность позиции Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), согласно которой порядок лишения свободы, установленный законом, должен оцениваться с точки зрения того, насколько закон полон и совершенен. Нельзя говорить о законном порядке лишения (ограничения) свободы, если сам закон исчерпывающим образом не регламентирует эту процедуру [1. С. 68–69].

Заметим, что в научной литературе высказывались мнения о принципиальном различии между процедурами заключения под стражу в стадии предварительного расследования и стадии судебного разбирательства; якобы процедуры решения вопроса о мере пресечения в ходе судебного разбирательства вовсе не существует, что ведет к искажению основных гарантий прав личности, регламентированных гл. 13 УПК

РФ [2. С. 117]. Правовую неопределенность в этом вопросе усматривают в использовании правовых норм, содержащихся в ст. 108, 109 УПК РФ, по аналогии, что якобы ведет к искажению уголовно-процессуального закона.

Надо признать, что в уголовном процессе России применительно к судебным стадиям процедуру принятия решения о заключении под стражу закон исчерпывающим образом не регламентировал.

Нехватка определенности в правовой основе этого института нашла проявление в некоторых стандартах, сложившихся на первоначальном этапе применения УПК РФ, определявших порядок продления срока заключения под стражу обвиняемого по делам, принимаемым судом к производству.

Ввиду отсутствия прямого регулирования суды исходили из того, что содержание обвиняемого под стражей по окончании предварительного следствия автоматически продлевается на предусмотренный ст. 255 УПК РФ шестимесячный срок уже самим фактом поступления уголовного дела в суд. Такое ограничительное толкование, сложившееся в судебной практике, стало на время правовым стандартом принятия решений о заключении под стражу [3], который вступил в явный диссонанс с новыми стандартами, вытекающими из общего смысла нашего закона, подкрепленного международно-правовыми стандартами.

Принципиальный качественный сдвиг в совершенствовании правовых стандартов принятия решений о заключении под стражу обвиняемого в судебных стадиях произошел в середине 2000-х гг. Это не в последнюю очередь связано с внедрением в отечественное уголовно-процессуальное законодательство международных принципов и норм, в том числе решений ЕСПЧ.

Международно-правовые стандарты усваивались отечественной судебной практикой и становились основой формирования соответствующих правовых стандартов главным образом благодаря решениям Конституционного Суда РФ [4]. Затем они нашли подтверждение в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ [5] и становились, таким образом, «родными» для национальных судов.

Как отметил Комитет министров Совета Европы, «...можно только приветствовать усилия Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации, направленные на совершенствование судебной

практики в этой сфере и наглядно демонстрирующие возрастающее внимание к этим серьезным проблемам внутри российского судебного сообщества. Несмотря на это, необходимо предпринимать еще более настойчивые попытки с целью эффективного изменения повседневной практики органов власти» [6].

Таким образом, в окончательном виде сформировался следующий правовой стандарт, определяющий современную судебную практику по данному вопросу:

1) недопустимо содержать обвиняемого под стражей без соответствующего судебного решения после направления прокурором или вышестоящим судом уголовного дела на рассмотрение в суд;

2) при поступлении в суд уголовного дела, по которому обвиняемый содержится под стражей, судья обязан проверить, не истек ли установленный ранее вынесенным судебным решением срок его содержания под стражей и не имеются ли основания для изменения меры пресечения;

3) решение о мере пресечения во всех случаях должно быть принято по результатам судебного заседания с участием сторон и по результатам исследованных представленных сторонами обвинения и защиты доказательств; при этом следует руководствоваться общими положениями, закрепленными в ст. 108, 109 УПК РФ.

По справедливому мнению специалистов, данные положения стали отражением международно-правовых стандартов в указанной сфере, а именно норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод и позиций Европейского суда [7. С. 7].

Следует отметить, что порядок принятия решения о мере пресечения в виде заключения под стражу должен быть единым во всех стадиях уголовного судопроизводства и содержать общие гарантии законности и прав личности. Иное понимание противоречило бы основам правового регулирования, которые должны быть едиными для всех стадий уголовного судопроизводства.

Очевидно, что потребность в принятии любого решения, связанного с заключением и содержанием под стражей подсудимого (осужденного), может возникнуть на любой судебной стадии. И надо исходить из того, что общий смысл нашего права, в чем не дает усомниться Конституционный Суд РФ [8], состоит в том, что соблюдение общих требований, предусмотренных ст. 108, 109 УПК РФ, важно при решении вопроса о мере пресечения в виде заключения под стражу во всех стадиях уголовного процесса. Согласно позиции Конституционного Суда РФ «...по смыслу ст. 22, 46 (ч. 1), 48, 118, 120, 123 Конституции РФ, в уголовном судопроизводстве суд как орган правосудия призван обеспечивать справедливую процедуру принятия решения о применении заключения под стражу в качестве меры пресечения, исходя из одинаковой природы и значения судебных гарантий для защиты прав и законных интересов личности при принятии решений, связанных с ограничением свободы и личной неприкосновенности, вне зависимости от того, на каком этапе уголовного судопроизводства эти решения принимаются» [Там же]. При этом «...судебные гарантии

свободы и личной неприкосновенности не могут сокращаться или приостанавливаться и в период после окончания предварительного расследования и передачи уголовного дела в суд. Иное не соответствовало бы самой сути правосудия, обеспечивающего непосредственное действие прав и свобод» [8].

Впрочем, несмотря на все старания Конституционного Суда РФ, нормативные положения УПК РФ не всегда способны обеспечить единообразие судебной процедуры и соблюдение гарантий правосудия. Поэтому вполне исчерпанной проблему нормативного регулирования порядка принятия решений о заключении под стражу в судебных стадиях считать нельзя. Надо признать, что эта позиция близка к международно-правовым стандартам принятия решения о заключении под стражу, выработанным в том числе с участием ЕСПЧ, о которых речь пойдет ниже.

Остановимся на некоторых ключевых элементах механизма правового регулирования отношений, возникающих при принятии судами решений об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в судебных стадиях, которые зафиксированы в международно-правовых стандартах.

Вначале следует сказать об общем положении суда в этом механизме и правовой модели его деятельности. Поскольку речь идет о судебных стадиях, т.е. о ведении уголовного дела самим судом, следует еще раз подчеркнуть актуальность принципов справедливого судебного разбирательства, сформированных на основе Конвенции о защите прав человека и основных свобод прецедентами ЕСПЧ. В их числе на первом месте стоит принципиальное положение о независимости суда, которое, как уже отмечалось, является частью нашей правовой системы и официальной правовой доктрины. С независимостью суда в процессуальном смысле ЕСПЧ связывает беспристрастность. Независимость и беспристрастность суда – это ценности, которые не требуют особого комментария. Это основа устройства правосудия. Их надо иметь в виду в ходе последующих рассуждений. Со стандартом о независимости / беспристрастности суда связаны две темы, требующие правовой регламентации, или стандартизации. Первая касается тезиса об «активности суда», и здесь есть два момента: во-первых, проявление судом инициативы в принятии решения о заключении под стражу и, во-вторых, его активность в доказывании, т.е. поиске, обоснования своего решения во время судебного заседания, предметом которого является разрешение данного вопроса. Вторая тема, вытекающая и взаимосвязанная как с независимостью / беспристрастностью суда, так и с правильно понятой активностью суда, связана с критериями отвода судьи и недопустимостью рассмотрения и разрешения одним и тем же судьей вопросов, определяющих производство по делу. Итак, активность без пристрастности – вот идеальная модель поведения суда.

Остановимся на методологической проблеме относительно степени активности суда в производстве по делу вообще и в доказывании в частности. Наша правовая доктрина традиционно допускает активность суда в разрешении любого рода правовых вопросов, включая

вопрос о формировании фактических оснований для принятия процессуального решения. Таково концептуальное понимание баланса интересов в уголовном процессе. Поэтому традиционно положительным является ответ на вопрос об активности суда в процедуре принятия решения о заключении под стражу [9. С. 83–87].

При этом общепризнано, что до вступления приговора в законную силу суд должен руководствоваться принципом презумпции невиновности. Второе руководящее начало состоит в состязательности и запрете на выполнение функции обвинения. Однако, с другой стороны, на суде лежит ответственность за принятие окончательного решения по делу, и он должен обеспечить надлежащие условия для достижения цели уголовного процесса. Суд обязан защитить права и свободы не только обвиняемого, но и других участников процесса. Указанные нормативно-правовые детерминанты обуславливают определенную модель активности суда при выработке решений относительно меры пресечения в виде заключения под стражу в рамках той или иной судебной стадии. Публично-правовой мотив традиционно перевешивает соображения, вытекающие из учения о «формальной состязательности» и пассивности суда.

Таким образом, современная доктрина признает правомерным ввиду обеспечения публичных интересов, интересов участников судопроизводства проявление инициативы судом, в производстве которого находится уголовное дело, по постановке и решению вопросов о мере пресечения в виде заключения под стражу, если у суда имеются достаточные основания для этого решения.

Наряду с этой доминирующей позицией, нашедшей подкрепление в праве и правоприменительной практике, высказывается мнение о том, что суд уполномочен применять заключение под стражу по собственной инициативе только в случае, когда обвиняемый, не содержащийся под стражей, скрылся от суда и объявлен в розыск [10. С. 21], когда обвиняемый уклоняется от явки в суд, угрожает в судебном заседании расправой другим участникам процесса, иным способом препятствует, оставаясь на свободе, осуществлению правосудия [11. С. 52]. Представитель данной позиции, К.В. Попов, например, пишет, что суд не должен избирать заключение под стражу при наличии против этого возражений участников со стороны обвинения [12. С. 143].

Однако мнение сторонников состязательности не является доминирующим. Поддержку официальной власти получила позиция сторонников активного участия суда в принятии решения о заключении под стражу. Конституционный Суд РФ сформулировал позицию, согласно которой решение вопроса о мере пресечения в виде заключения под стражу по инициативе суда «не означает, что суд принимает на себя функции стороны обвинения, поскольку правовые и фактические основания для избрания меры пресечения связаны не с поддержкой, а тем более признанием обоснованным выдвинутого в отношении лица обвинения в совершении преступления, а с необходимостью обеспечения условий дальнейшего производства по уголовному делу» [8].

Следовательно, Конституционный Суд РФ подтвердил правомерность принятия судом решения о мере пресечения по своей инициативе и не усмотрел в этом выполнение судом обвинительной функции, что прямо вытекает из необходимости обеспечить решение задач уголовного судопроизводства и соблюдение прав и законных интересов участников процесса, а также достижение целей правосудия. Сформировался правовой стандарт, в соответствии с которым суд, в производстве которого находится уголовное дело, вправе сам возбудить производство по решению вопроса о заключении под стражу. Таков один из собственно отечественных стандартов, который не находит прямого подтверждения в международно-правовых стандартах деятельности органов правосудия.

В окончательном виде о правовом стандарте, сложившемся по данному вопросу, можно сказать следующее. Если вопрос об избрании в отношении подсудимого в качестве меры пресечения заключения под стражу возникает в стадии судебного разбирательства, то решение об этом суд принимает по ходатайству того или иного участника либо по своей инициативе после заслушивания доводов подсудимого, выяснения позиции стороны обвинения, других заинтересованных в исходе дела лиц. Но суд не связан позицией ни с одной из сторон и принимает решение по своему убеждению относительно необходимости заключения (содержания) под стражей в данных обстоятельствах.

Ввиду той ответственности, которую берет на себя суд в подобных ситуациях, необходимо, чтобы не было никаких сомнений в его непредвзятости, объективности и беспристрастности. Европейский суд проводит различие между субъективным подходом, отражающим личные убеждения данного судьи по конкретному делу, и объективным подходом, который определяет, имелись ли достаточные гарантии, чтобы исключить какие-либо сомнения по этому поводу [13].

Объективность и беспристрастность как основные требования к правосудию побуждают законодателя устанавливать целый ряд норм, предусматривающих недопустимость участия в рассмотрении уголовного дела лиц, чье решение, позиция или мнение в силу заинтересованного отношения к уголовному делу могут повлечь его неправильное разрешение. Обратимся к одной из наиболее острых проблем, связанных с проведением принципов законности, независимости суда, а равно и иных руководящих начал процедуры принятия решений о заключении под стражу в судебных стадиях. Речь идет об институте отвода судьи, прямо или косвенно заинтересованного в определенном разрешении вопроса. Этот институт является гарантией беспристрастности судьи, а также правомерности его решения о заключении под стражу, принимаемого в судебных стадиях.

Любое обстоятельство, которое ставит под сомнение беспристрастность судьи, должно повлечь устранение его от участия в производстве по уголовному делу. Статья 61 УПК РФ определяет общий для большинства отводимых участников процесса перечень обстоятельств, исключающих участие в уголовном

судопроизводстве конкретных лиц. Закон запрещает участвовать в производстве по уголовному делу судье, прокурору, следователю и дознавателю, если имеются обстоятельства, дающие основание полагать, что они лично, прямо или косвенно, заинтересованы в исходе данного уголовного дела. В других статьях Кодекса эти обстоятельства конкретизируются в отношении каждого из участников с учетом особенностей их процессуального положения. Применительно к судьям закон не допускает повторного участия судьи в рассмотрении одного и того же уголовного дела в судах различных инстанций (ст. 63 УПК РФ).

Основание для отвода возникает в тех случаях, когда судья ранее высказал позицию в промежуточном решении, в том числе вынесенном в досудебном производстве по вопросам, являющимся предметом судебного разбирательства: относительно наличия или отсутствия события преступления, обоснованности выводов о виновности в его совершении обвиняемого и др. (ст. 299 УПК РФ).

В интересах правосудия особенно важно, чтобы судья в ходе судебного разбирательства воздерживался от высказывания любых оценок и выводов по существу рассматриваемого дела вплоть до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора, исключив любые проявления предвзятости и необъективности. Если же судья обязан изложить свое мнение в промежуточном судебном решении, ему следует самоустраниться от дальнейшего рассмотрения этого дела.

Следует подчеркнуть, что само по себе участие судьи, рассматривающего уголовное дело в досудебном производстве (без учета принимавшихся им решений и исследованных вопросов), по мнению Европейского суда, не создает еще оснований для признания судьи небеспристрастным [14]. В то же время Европейский суд в некоторых делах приходил к иному выводу в зависимости от специфики конкретных действий судьи на предшествующих этапах судопроизводства и от содержания и мотивировки принятых им решений.

Так, согласно правовым позициям Европейского суда, выраженным в постановлении от 3 февраля 2011 г. по делу «Игорь Кабанов против Российской Федерации», суд, чтобы соответствовать требованиям беспристрастности, помимо субъективной беспристрастности должен быть и объективно беспристрастен, т.е. обеспечивать достаточные гарантии, исключаящие всякое законное сомнение в этом отношении. В рамках критерия объективности требуется определить, имеются ли удостоверяемые факты, которые могут вызвать сомнения в беспристрастности судей. При этом даже видимость может иметь значение. От этого зависит доверие, которое суд в демократическом обществе должен вызывать у людей, и в первую очередь у сторон судебного разбирательства [15]. Указанная позиция нашла свое отражение и в решении ЕСПЧ по делу «Хаусхильдт против Дании», в котором Европейский суд усмотрел нарушение права на беспристрастный суд, поскольку председательствовавший в судебном разбирательстве не просто ранее девять раз выносил судебное решение о про-

длении срока содержания под стражей, но ссылаясь при этом на то, что имеется «очень высокая степень вероятности» виновности заявителя. Суд счел, что различие между степенью убежденности судьи в виновности, необходимой для вынесения обвинительного приговора и для вынесения решения о продлении срока содержания под стражей, в этой ситуации было слишком тонким и что опасения заявителя поэтому были объективно оправданны [16].

Напротив, по делу «Де Кюббер (De Cubber) против Бельгии» Европейский суд признал нарушение требований беспристрастности судьи при рассмотрении уголовного дела по существу, поскольку судья действовал до судебного рассмотрения им дела в качестве следственного судьи по тому же делу [17]. Л. Лукайде, анализируя такую практику и критикуя стремление Европейского суда концентрироваться лишь на «внешних проявлениях», а также настаивая на необходимости учитывать в каждом случае реалии ситуации, признает, что «в большинстве дел, в которых Европейский суд установил, что конкретный судья или суд не соответствуют тому, что называется объективной проверкой... имелся действительный факт, представлявший собой на основании соответствующих обстоятельств таких дел реальную опасность отсутствия беспристрастности» [18. С. 8–20].

Из правовых позиций Конституционного Суда РФ, изложенных в постановлении от 2 июля 1998 г. № 20-П, а также определениях от 1 ноября 2007 г. № 799-О-О, от 17 июня 2008 г. № 733-О-П, от 2 июля 2009 г. № 1009-О-О, от 17 декабря 2009 г. № 1636-О-О и др., вытекает запрет повторного участия судьи в рассмотрении уголовного дела с разрешением вопросов, по которым принимались решения при предыдущем рассмотрении того же дела.

В постановлениях от 2 июля 1998 г. № 20-П и от 23 марта 1999 г. № 5-П Конституционный Суд РФ, исходя из конституционной природы права каждого на рассмотрение его дела справедливым и беспристрастным судом, подчеркнул, что сделанные судьей в процессуальном решении до завершения рассмотрения уголовного дела выводы относительно наличия или отсутствия события преступления, виновности лица в его совершении, достоверности и достаточности собранных доказательств, по иным вопросам, которые могут стать предметом дальнейшего судебного разбирательства, могли бы определенным образом связывать судью при принятии по этим вопросам соответствующих итоговых решений.

Развивая приведенную правовую позицию в определении от 1 ноября 2007 г. № 799-О-О, Конституционный Суд РФ указал, что судья, ранее высказавший в ходе производства по уголовному делу свое мнение по предмету рассмотрения, не должен принимать участия в дальнейшем производстве по делу в составе суда иной инстанции независимо от того, было ли отменено судебное решение, вынесенное с его участием.

Итак, судья, ранее выразивший свое мнение по предмету рассмотрения, не должен принимать участие в производстве по делу, чтобы не ставить под сомнение закон-

ность и обоснованность принимаемого решения. Участие судьи в рассмотрении дела, если оно связано с оценкой ранее уже исследовавшихся с его участием обстоятельств по делу, является недопустимым. В иных случаях основания для отвода судей в связи с их предыдущим участием в рассмотрении этого же дела отсутствуют. Не исключается участие судьи в вынесении промежуточных судебных решений по иным вопросам, если они не связаны с предпрещением вопросов, подлежащих рассмотрению в предстоящем судебном разбирательстве уголовного дела по существу, либо повторным разрешением вопросов судьей, выразившим ранее по ним свою позицию.

Из анализа судебной практики вытекает вывод о том, что отводы, заявленные со ссылкой на предыдущее участие судьи в рассмотрении вопросов о применении меры принуждения, производстве следственных действий, ограничивающих конституционные права участников процесса, ОРМ, разрешении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, оставляются без удовлетворения, поскольку если судья в порядке досудебного производства принимал в соответствии с ч. 2 ст. 29 УПК РФ решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу либо о продлении его срока, о производстве обыска и (или) выемки в жилище, контроля и записи телефонных и иных переговоров и других правоограничительных действий, то это обстоятельство не является препятствием для его участия в рассмотрении данного дела в судебном заседании суда любой инстанции, поскольку отсутствует общий предмет рассмотрения. Указанная позиция нашла свое отражение в решении ЕСПЧ по делу «Белевицкий против Российской Федерации». Суд признал, что не имело место нарушение требования беспристрастности в ситуации, когда судья, рассматривавший дело в отношении заявителя, ранее принимал решение о продлении срока его содержания под стражей, которое было мотивировано, в частности, тяжестью предъявленного заявителю обвинения [19].

Судебная практика по данному вопросу свидетельствует также о том, что в тех случаях, когда судья ранее высказал позицию в промежуточном решении, в том числе в досудебном производстве, по вопросам, являющимися предметом судебного разбирательства (ст. 299 УПК РФ): относительно наличия или отсутствия события преступления, обоснованности выводов о виновности в его совершении обвиняемого и др., он не может в дальнейшем участвовать в судебном производстве и подлежит отводу. Так, отменяя приговор Краснослободского районного суда Республики Мордовия в отношении Т., Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Республики Мордовия [20] указала, что согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, сформулированной в том числе в определении от 1 ноября 2007 г. № 799-0-0, участие судьи в рассмотрении дела, если оно связано с оценкой ранее уже исследовавшихся с его участием обстоятельств по делу, является недопустимым, ибо высказанная судьей в процессуальном решении позиция относительно наличия или отсутствия события преступления, обоснованности выводов о виновности в его совершении обвиняемого, достаточности доказа-

тельств ограничивала бы его свободу и независимость при дальнейшем производстве по уголовному делу и постановлении приговора или иного итогового решения. В ходе судебного разбирательства эти требования уголовно-процессуального закона не соблюдены. Приговор был постановлен судьей, который ранее в отношении осужденного, принимая решение о продлении срока содержания под стражей и в обоснование своего вывода о необходимости продления меры пресечения в виде заключения под стражу, не только сослался на совершение обвиняемым общественно опасных действий, но и фактически установил в описательно-мотивировочной части постановления обстоятельства инкриминируемых осужденному преступлений, указав, что он из корыстных побуждений похитил лошадь, принадлежащую М. Такой вывод суда находится в явном противоречии с положениями ст. 14 УПК РФ, согласно которым виновность обвиняемого может быть доказана лишь в установленном законом порядке и вступившим в законную силу приговором суда. Данные обстоятельства ограничивали судью в принятии решения по данному уголовному делу и давали повод усомниться в его беспристрастности, что в силу ч. 2 ст. 61 УПК РФ исключало его участие в рассмотрении данного уголовного дела.

Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Республики Мордовия обвинительный приговор Ельниковского районного суда в отношении Т. был отменен, дело направлено на новое судебное разбирательство в ином составе суда в связи с нарушением уголовно-процессуального закона: председательствующая в судебном разбирательстве ранее участвовала в рассмотрении ходатайства следователя об избрании Т. меры пресечения в виде заключения под стражу, при этом в постановлении судьи содержались выводы по вопросам, разрешаемым при постановлении приговора в совещательной комнате, которые предусмотрены п. 1, 2 и 3 ч. 1 ст. 299 УПК РФ. В частности, постановлением было установлено, что «преступление совершено против жизни человека путем нанесения потерпевшему множества ударов... при этом Т. находился в состоянии алкогольного опьянения... а его поведение во время и после совершения преступления позволяет прийти к выводу о том, что Т. представляет реальную угрозу для общества». При таких обстоятельствах, по мнению суда вышестоящей инстанции, судья была обязана устранившись от участия в производстве по уголовному делу [21].

Апелляционным определением Нижегородского областного суда от 23.11.2015 г. отменен приговор Володарского районного суда Нижегородской области от 25.08.2015 г. в отношении Барскова В.П., уголовное дело направлено на новое судебное разбирательство. Согласно определению единственным основанием для отмены приговора суда послужило то, что председательствующий судья по делу в отношении Барскова, рассматривая вопросы, связанные с продлением срока содержания под стражей Барскову, в постановлении от 05.05.2015 г. констатировал его виновность в совершении инкриминируемого ему деяния, указав, что «Барсков совершил инкриминируемое ему деяние в состоянии алкогольного опьяне-

ния», т.е. выразил свое мнение по вопросам, являющимся предметом судебного разбирательства по уголовному делу при рассмотрении его по существу, до удаления в совещательную комнату для вынесения итогового решения по делу [22].

Есть достаточно обоснованная, с нашей точки зрения, позиция, согласно которой должна быть исключена возможность решения вопроса о мере пресечения в виде заключения под стражу не только тем судом (судьей), по инициативе которого поставлен данный вопрос, но и судом (судьей), который будет в

дальнейшем рассматривать уголовное дело. Данные полномочия следует передать другим судьям как в рамках досудебного производства, так и в судебных стадиях уголовного процесса [23. С. 13]. Это может быть как специально отведенный для этого судья в каждом из судов, так и обсуждаемый ныне в науке «следственный судья» [24. С. 9–21]. Однако на данный момент суды руководствуются вышеуказанными сформировавшимися правовыми стандартами, имеющими в своей основе международно-правовую составляющую в виде решений ЕСПЧ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения / под общ. ред. В.А. Туманова, Л.М. Энтина. М.: Норма, 2002. 336 с.
2. Васяев А.А. Разрешение вопроса о заключении подсудимого под стражу (продление срока содержания его под стражей) в ходе судебного разбирательства // Современное право. 2009. № 3. С. 116–119.
3. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 5 июля 2005 г. № 66-о05-56 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 29.04.2016).
4. Определение Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2004 г. № 132-О «По жалобе гражданина Горского Анатолия Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 6 ч. 2 ст. 231 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2004. 9 июня.
5. Постановление Пленума Верховного Суда России от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 29.04.2016).
6. Меморандум Комитета министров Совета Европы от 12 февраля 2007 г. // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 29.04.2016).
7. Колоколов Н.А. Судебные практики станут законом! // Уголовное судопроизводство. 2006. № 4. С. 2–11.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан» // Российская газета. 2005. 1 апр.
9. Дикарев И.С. Избрание меры пресечения по инициативе суда // Уголовное право. 2008. № 4. С. 83–87.
10. Попков А.Ю. Применение меры пресечения в виде заключения обвиняемого под стражу при окончании предварительного расследования и на стадии подготовки к судебному заседанию: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Тюмень, 2009. С. 21.
11. Михайловская И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М.: ТК Велби; Проспект, 2006. 192 с.
12. Попов К.В. Проблемы участия суда в применении мер пресечения: дис. ...канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. 280 с.
13. Постановление ЕСПЧ от 01.10.1982 г. по делу «Пьерсак (Piersack) против Бельгии» // Европейский суд по правам человека. Избранные решения: в 2 т. М., 2000. Т. 1. С. 418–419.
14. Постановление ЕСПЧ от 25.07.2002 г. по делу «Пероте Пеллон (Perote Pellon) против Испании» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 26.02.2016).
15. Постановление ЕСПЧ от 03.02.2011 по делу «Игорь Кабанов (Igor Kabanov) против Российской Федерации», жалоба № 8921/05 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2011. № 9.
16. Hauschildt v. Denmark, 24 May 1989 // European Court of Human Rights. Electronic data. Strasbourg, 2010. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/view.asp?item=1&portal=hbkm&action=html&highlight=Hauschildt&sessionid=52370703&skin=hudoc-en>
17. De Cubber v. Belgium, 26 October 1984 // European Court of Human Rights. Electronic data. Strasbourg, 2010. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/view.asp?item=1&portal=hbkm&action=html&highlight=De%20%7C%20Cubber&sessionid=52371202&skin=hudoc-en>
18. Лукайде С. Справедливое судебное разбирательство (комментарий к п. 1 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод) // Российская юстиция. 2004. № 2. С. 8–20.
19. Постановление ЕСПЧ от 01.03.2007 по делу «Белевский (Belevitskiy) против Российской Федерации», жалоба № 72967/01 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2007. № 8. С. 47, 69–91.
20. Архив Краснослободского районного суда Республики Мордовия. 2007.
21. Архив Ельниковского районного суда Республики Мордовия. 2015.
22. Архив Володарского районного суда Нижегородской области. 2015.
23. Золотых В. Заключение под стражу по решению суда. Обобщение практики применения ст. 108 УПК РФ // Российская юстиция. 2002. № 11. С. 10–13.
24. Боруленков Ю.П. Следственный судья как «слабое звено» уголовно-процессуального познания // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 3 (20). С. 9–21.

Статья представлена научной редакцией «Право» 21 июня 2016 г.

ON THE OBJECTIVITY AND IMPARTIALITY OF THE COURT IN USING DETENTION (INTERNATIONAL STANDARDS AND RUSSIAN PRACTICE)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 408, 195–201.

DOI: 10.17223/15617793/408/29

Zaytsev Alexander O. Moscow State Law University of O.E. Kutaphin (Moscow, Russian Federation). E-mail: zaytsev.aleksander@bk.ru

Keywords: detention; court's activity; objectivity; impartiality of court; removal of judge; international legal standard; European Court of Human Rights.

The court and parties have different role in deciding the issue of detention. The degree of participation varies at different stages of criminal proceedings. The main difference is in the initiation of the use of this preventive measure. The article characterizes the standard, based on international legal standards, that defines modern court practice in this area. The components of this standard are: inadmissibility of the defendant's detention without a judicial decision; judge's duty to check whether the set term expires and

whether there are grounds for changing the preventive measure; decision about the preventive measure should be made as a result of a court hearing involving the parties and the study of evidence the prosecution and the defense presented. It is noted that the mechanism of legal regulation of relations of using detention ensures effective application of this standard. The author examines several elements of this mechanism. Firstly, the general position of the court and the legal model of its activities. Impartiality and independence of the court are fundamental principles of this element. The article analyzes the thesis of the court's activity, the court's initiative in deciding on detention and its activity in the proving. It is noted that the court has the right to initiate legal proceedings to use detention. This thesis is one of the actual national standards. It is not directly fixed in international legal standards. Secondly, the author focuses on the institution of removal of judge. Any circumstance that questions the impartiality of the judge is a ground for the removal of judge in criminal proceedings. Art. 61 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation establishes common grounds for removal of participants in criminal proceedings. The judge should abstain from making any estimates and conclusions on the criminal case. The participation of judges in a case is not valid, if it is associated with the assessment of circumstances of a case they have previously studied. The position of the ECHR and the existing judicial practice confirm this position. Thus, objectivity and impartiality of the court are of particular importance, and are a guarantee against unwarranted restrictions of rights and freedoms of the accused.

REFERENCES

1. Tumanov, V.A. & Entin, L.M. (eds) (2002) *Kommentariy k Konventsii o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod i praktike ee primeneniya* [Commentary on the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and the practice of its application]. Moscow: Norma.
2. Vasyaev, A.A. (2009) Razreshenie voprosa o zaklyuchenii podsudimogo pod strazhu (prodlenie sroka sodержaniya ego pod strazhey) v khode sudebnogo razbiratel'stva [Resolution of the question of the defendant's detention in custody (the extension of his detention) during the trial]. *Sovremennoe pravo – Modern Law*. 3. pp. 116–119.
3. Konsul'tantPlyus. (2016) *Kassatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 5 iyulya 2005 g. № 66-005-56* [The appeal of the Supreme Court of the Russian Federation of July 5, 2005 N 66-005-56]. Moscow: AO Konsul'tantPlyus.
4. Rossiyskaya gazeta. (2004) Resolution of the Constitutional Court of 8 April 2004 N 132-O "On the complaint of the citizen Anatoly Gorsky on the violation of his constitutional rights by Clause 6 Pt. 2 Art. 231 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation". *Rossiyskaya gazeta*. 9 June. (In Russian).
5. Konsul'tantPlyus. (2016) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossii ot 5 marta 2004 g. № 1 "O primeneni sudami norm Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii"* [Resolution of the Plenum of the Russian Supreme Court on March 5, 2004 N 1 "On the application of the rules by the courts of the Russian Federation Code of Criminal Procedure"]. Moscow: AO Konsul'tantPlyus.
6. Konsul'tantPlyus. (2016) *Memorandum Komiteta ministrov Soveta Evropy ot 12 fevralya 2007 g.* [Memorandum of the Council of Europe Committee of Ministers on February 12, 2007]. Moscow: AO Konsul'tantPlyus.
7. Kolokolov, N.A. (2006) Sudebnye praktiki stanut zakonom! [Judicial practice become law!]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo – Criminal Judicial Proceeding*. 4. pp. 2–11.
8. Rossiyskaya gazeta. (2005) Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 22, 2005 N 4-P "On the case on the constitutionality of certain provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regulating the procedure and terms of use of detention as a preventive measure in the stages of criminal proceedings following the end of the preliminary investigation of the criminal case and the direction of the case to court, in response to complaints from a number of citizens. *Rossiyskaya gazeta*. 1 April. (In Russian).
9. Dikarev, I.S. (2008) Izbranie mery presecheniya po initsiative suda [The selection of a preventive measure by a court initiative]. *Ugolovnoe pravo*. 4. pp. 83–87.
10. Popkov, A.Yu. (2009) *Primenenie mery presecheniya v vide zaklyucheniya obvinyаемого pod strazhu pri okonchani predvaritel'nogo rassledovaniya i na stadii podgotovki k sudebnomu zasedaniyu* [The use of a preventive measure in the form of custody at the end of the preliminary investigation and in preparation for the trial]. Abstract of Law Cand. Diss. Tyumen.
11. Mikhaylovskaya, I.B. (2006) *Nastol'naya kniga sud'i po dokazyvaniyu v ugolovnom protsesse* [A handbook of judge on proof in a criminal trial]. Moscow: TK Velbi; Prospekt.
12. Popov, K.V. (2004) *Problemy uchastiya suda v primeneni mer presecheniya* [Problems of court involvement in the application of preventive measures]. Law Cand. Diss. Krasnodar.
13. ECHR. (2000) *Postanovlenie ESPCh ot 01.10.1882 g. po delu "P'ersak (Piersack) protiv Bel'gii"* [The ECHR judgment of 10.01.1882 on the case Piersack v Belgium]. In: Tumanov, V.A. et al. (eds) *Evropeyskiy sud po pravam cheloveka. Izbrannye resheniya: v 2 t.* [European Court of Human Rights. Selected solutions: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Norma.
14. Konsul'tantPlyus. (2016) *Postanovlenie ESPCh ot 25.07.2002 g. po delu "Perote Pellon (Perote Pellon) protiv Ispanii"* [The ECHR judgment of 25.07.2002 on the case Perote Pellon v. Spain]. Moscow: AO Konsul'tantPlyus.
15. Byulleten' Evropeyskogo suda po pravam cheloveka. (2011) *Postanovlenie ESPCh ot 03.02.2011 po delu "Igor' Kabanov (Igor Kabanov) protiv Rossiyskoy Federatsii"*, zhaloba № 8921/05 [The ECHR Decision of 03.02.2011 on the case Igor Kabanov v. the Russian Federation, complaint N 8921/05]. *Byulleten' Evropeyskogo suda po pravam cheloveka*. 9.
16. European Court of Human Rights. (2010) *Hauschildt v. Denmark, 24 May 1989*. [Online] Available from: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/view.asp?item=1&portal=hbk&action=html&highlight=Hauschildt&sessionid=52370703&skin=hudoc-en>.
17. European Court of Human Rights. (2010) *De Cubber v. Belgium, 26 October 1984*. [Online] Available from: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/view.asp?item=1&portal=hbk&action=html&highlight=De%20%7C%20Cubber&sessionid=52371202&skin=hudoc-en>.
18. Lukaydes, S. (2004) Spravedlivo sudebnoe razbiratel'stvo (kommentariy k p. 1 st. 6 Evropeyskoy konventsii o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod) [Fair Trial (commentary to Para. 1 Art. 6 of the European Convention on Human Rights)]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 2. pp. 8–20.
19. Byulleten' Evropeyskogo suda po pravam cheloveka. (2007) *Postanovlenie ESPCh ot 01.03.2007 po delu "Belevitskiy (Belevitskiy) protiv Rossiyskoy Federatsii"*, zhaloba № 72967/01 [The ECHR judgment of 01.03.2007 on the case Belevitskiy against the Russian Federation, complaint N 72967/01]. *Byulleten' Evropeyskogo suda po pravam cheloveka*. 8. pp. 47, 69–91.
20. Archive of the Krasnoslobodsky District Court of the Republic of Mordovia. (2007). (In Russian).
21. Archive of the Yelnikovsky District Court of the Republic of Mordovia. (2015). (In Russian).
22. Archive of the Volodarsky District Court of Nizhny Novgorod Oblast. (2015). (In Russian).
23. Zolotikh, V. (2002) Zaklyuchenie pod strazhu po resheniyu suda. Obobshchenie praktiki primeneniya st. 108 UPK RF [Detention by court order. The generalization of the practice of Art. 108 Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 11. pp. 10–13.
24. Borulnikov, Yu.P. (2015) Investigating judge as a "weak link" of criminal procedural proving. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal – Criminalist's Library Scientific Journal*. 3 (20). pp. 9–21. (In Russian).

Received: 21 June 2016